

НЕБЕСНАЯ ДОРОГА

Виталий Митрофанович Молчанов родился в 1967 году в Баку. Окончил Московскую академию нефти и газа. Служил в армии. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «День и Ночь», альманахах «Лёд и пламень», «Паровозъ», «Гостинный Двор», «Башня», «Чаша круговая», в «Антологии русской поэзии XXI века» и др. Лауреат региональной литературной премии им. П. И. Рычкова, премии им. С. Т. Аксакова, премии «Оренбургская лира», Международного литературного конкурса им. А. И. Куприна, Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, Волошинской премии, победитель конкурса исторической поэзии «Словенское поле», лауреат премии «За верность Слову и Отечеству» им. А. Дельвига. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор Оренбургского областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова.

В гости к Богу не бывает опозданий.

В.С. Высоцкий

От станции земной
до Божьего порога
Проложена давно
небесная дорога,
И катится по ней
без адреса приписки
Не скорый, а вполне
обычный пассажирский.
Трясутся на ветру,
качаются вагоны,
В плацкарте рядом те,
с кем раньше не знакомы,
Сидят лицом к лицу,
лежат на верхних полках,
Выходят покурить
на долгих остановках,
А добрый проводник,
под плащ заправив крылья,
Всем зонтики даёт
от града или ливня.
То тучи — чередой
над маревом перрона,
То жаркие лучи
проходят без урона

Сквозь бестелесных душ
нагие оболочки,
Зонты им ни к чему —
смерть не дала отсрочки.

Штурмуя высоту,
на грозовые крижи
Взбирается состав...
В защитном камуфляже,
Прижав плечо к плечу,
в купе открытом трое
На нижней, как в строю...
Небесные герои
Про свой последний штурм,
вновь заживо сгорая,
Бормочут вразнобой,
пока ключи от рая
Начальник не возьмёт —
Архистратиг великий,
Кивнёт проводнику,
пуская нимбом блики:
— Ты чая не носи
погибшим под Купянском,
Плесни-ка лучше всклень
архангельской «Кубанской»...
Тот сбросит синий плащ
и, расправляя крылья,
Промолвит: «Страшный век»,
— вздыхая от бессилья:
«Чужую жизнь спасли,
свою прожив так мало,
Осанну им споют
служители вокзала».

***

Сергею Панову

Устал от газетной фальши,
Бумажный лист — не броня,
Но будто огонь вчерашний
Прожёт сквозь статью меня.

Стонали, сгорая, строчки,
В глазах повторясь стократ:
«Один в стальной оболочке
Отход прикрывал комбат».

...засады бойцы не ждали.
Комбат в своей БМП
Стал плотью из крепкой стали,
Щитом в солдатской судьбе.
Мелькали враги в прицеле,
Визжал несытый свинец.
Зря пули, промазав, пели,
Что русским пришёл конец.

«Солдаты спаслись в посадке», —
Так ангелы, не трубя,
С докладом явились кратким
К Тому, Кто отдал себя
На смерть за грехи людские
Не ради земных наград,
И низко склонили выи,
Когда в рай вошёл комбат...

Замедлит свой бег Сакмара,
Прощальный услышав залп.
Венки, разделяясь на пары,
Внесут под вороний гвалт.
А времени в циферблате,
На стрелках лёжа часов,
Скрутятся б, вернуться ради
Того, чтобы жил Панов,

И множилось племя героев
С огнём негасимых глаз,
Сквозь время идущих строем
На битву за жизнь для нас.

Лишь мать не примет потерю,
Укрывшись в тени платка:
— Я в смерть Сергея не верю
И жду от него звонка.

***

Дмитрию Дегтярёву

Мир слухами живёт, не сеет
бредни
На этот раз досужая молва:
Горят четыре «Козака»,
два «Брэдли»,
Пять БТР и танка тоже два.
Был август зол — жара
не уходила
На знойный юг искать себе
покой.
Как хорошо, что вновь
заморосила
Живительная влага в выходной.
Прибила пыль и оживила листья,
Прилипнув к травам каплями
росы,
Дала вздохнуть и бестелесной
мыслью
С родимым краем навести мосты,
Где отчий дом, и банька
с огородом,
И весела солдатская душа...
На нас нацисты в бой пошли
с восходом,
Кусты с наскака яростно круша,
Взрыхляя землю, словно
неродную,
И тишину пластал машинный
рёв...
«Рассредоточьтесь,
мы контратакуем!» —
Тогда майор воскликнул
Дегтярёв.
И запылала первая из «Брэдли»,
За ним вторая, следом снова
танк —
Нам про войну не надо сеять
бредни
На поле слухов, вымыслов
и врак.

Любой боец на брани ради мира
За павшего сражается вдвойне.
Нам повезло — гордиться
командиром
Дано не всем солдатам на войне.
Был долгим бой, огнём
прикрытый плотным.
Мы победили, враг наш
отступил.
Ударный дрон стервятником
голодным
До нас добрался из последних
сил...
Шёл дождь, туша горящие
машины,
По полю разгоняя смрадный
дым.
Майора на руках несли
мужчины,
Оставшегося вечно молодым.

***

Ерлану Уркумбаеву

Декабрь кормил с руки метели
Листвой осенней каждый день,
Потом снегами забелели
Поля ближайших деревень.
Январь сковал деревья стужей
И льдом речную глубину.
Февраль был ветрами простужен
И долгую принёс войну.
Как взрывов отблески кровавы
На старом зеркале небес...
Юнцы в строю, забыв забавы,
В краю, где смерть и нет невест,
И только подвиг жизнь венчает,
И славен каждый ветеран.
Опять на смену заступает
Российский лейтенант Ерлан.
Развёрнут комплекс
на дежурстве,
Радар прочёсывает мглу.

Ты нужен фронту — в этом

чувстве,

Да хоть в медвежьем будь углу,
Твоя сокрыта сопричастность
С великой целью победить,
От сердца к сердцу не напрасно
С геройским прошлым свита
нить...

...ударил «Хаймарс»

по машине —

Внезапный, страшный, как беда,
С дерев сметая снег и иней,
Расплавив жаром провода,
Калеча сталь и плоть людскую,
Но вынес раненый Ерлан
Водителя, собой рискуя,
Наружу в утренний туман.
Спасая комплекс от прилёта,
Отправил сообщенье в штаб.
Работал до седьмого пота,
Как в прошлом на галере раб.
Он мог уйти, остановиться,
Но, смерть встречая на посту,
Узрел на миг родные лица,
Шагнув при взрыве в пустоту.

Декабрь кормил с руки метели
Листвой осенней каждый день,
Потом снегами забелели
Поля ближайших деревень.
Январь сковал деревья стужей
И льдом речную глубину.
Февраль был ветрами простужен
И долгую принёс войну.
Но темь и холода не вечны —
Победу принесёт весна,
И снова станет мир беспечней,
Чем был в иные времена.
И где-то там, в краю героев,
От бед вдали, от слёз и ран,
По облакам в небесном строе
Шагнёт в бессмертие Ерлан.

***

Денису Васильченко

В ту осень у сельца Суханово
Деньки стояли золотые.
Никто не скажет слова бранного
Про тучи, от дождей тугие,
Про слякоть, хмарь и лужи
полные,

В грязи увязшие ботинки.
Летают пули через поле и
Встречаются посерединке.
Одни от нас, другие в гости
к нам,
Так в постоянной круговерти
Стальные осы весом в тройку
грамм
Бойцов приносят в жертву
смерти.

Пусть лучше хляби бездорожные,
Град ледяной, а не свинцовый.
Мечи врагов, покинув ножны их,
Над нами нависают снова.
А позади сельцо Суханово.
Земля суха, годна для драчки.
Нет про погоду слова бранного,
Лишь про войну теперь ругачки.
Встал старший прапорщик
Васильченко

У бруствера с гранатомётом,
Лучи сквозь пыль, как через
ситечко,
На танки падали с пехотой,
Как будто бы помочь старались
Они ему с прицелом верным.
Снарядом из калёной стали
Нацистский танк прошит был
первым,
Потом осколочным карателей
Сумел он разметать по полю...
Но пал сражённый...

Разве татым ли

Торжествовать Герой позволит?
Поднялся прапор, сгрёб остатки
сил
И ожил, умирая заново.
В последний миг последний
танк подбил,
Не дал врагу зайти в Суханово.

***

Владимиру Петрушину

Ночами часто снится сыну
Один и тот же страшный сон:
Летит горящая машина
В сто пятьдесят смертельных
тонн.

Грозит погибелью кварталам,
Больницам, школам и дворцам.
За три минуты до финала
Прирос штурвал к рукам отца.

Он, говорят, пилот от Бога,
Но высоту теряет ИЛ.
До поля б дотянуть немного,
До грунта, если хватит сил.

Штурвал не слушается, рвётся,
Мол, что с нас, обречённых,
взять.
Пустым ведром на дно колодца
Мы упадём, и время вспять

Не повернёшь, не остановишь...
Для сотен жизнь теперь — полёт,
Свет глаз окраинных —
чудовищ —
Под фюзеляжем проплывёт.

И будет жёсткая посадка,
Героя гибель — смерти дань.
Слезу потом смахнёт украдкой
Спасённая отцом Рязань.

«Герой наш папа, ранен даже,
Лечу, поправился он чтоб», —
Дочурка перекисью мажет
На фото в рамке папин лоб.

***

Максоту Исмурзину

Вызывая огонь на себя,
сам сгораешь в огне
И возносишься в небо на рыжем
горячем коне,
Оставляя врагов из воронок
смертельный пить дым,
Оставаясь навеки несломленным
и молодым.

Грусть отринет душа, подводя
бренной жизни итог:
— Разведгруппы отход я собой
прикрывал сколько мог.
С белым светом прощаясь, успел,
вражий натиск губя,
В микрофон прокричать:
«Вызываю огонь на себя!»

Конь несётся стремглав сквозь
седые холмы облаков,
На небесных полях так легко
без тяжёлых подков.
Ветер в спину толкает, сноп
искр собирается в шлейф,
Словно грома раскаты:
«Смелей, победитель, не дрейфь!»
Край родимый далёк,
оренбургский степной уголок,
Мать с отцом во дворе, видя
всполохи, шепчут: «Сынок,
Как ты мог нас покинуть,
так трепетно дом свой любя,
Мог со всеми уйти,
но ты вызвал огонь на себя?»

Отвечает Максот, растворяясь в небесной дали:
«Выше гор я взлетел, ниже клином летят журавли,
Только память при мне, с ней делить будем звёздный покой.
Пусть другие живут, я за них заплатил головой,
Бьют врага без пощады, приблизив победный салют.
Имя Подвиг коню, вместе нас никогда не убьют.
Мы в бессмертье летим, вспоминайте меня, не скорбя.
За Россию погиб, вызывая огонь на себя...»

